

Кокаин был проклятием нашей молодости *Наркотики в окопах и в тылу Первой мировой*

Калачев Б.Ф.

Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук

Статья посвящена сравнительно мало изученному историческому факту – влиянию Первой мировой войны на расширение немедицинского потребления наркотических средств в России и странах Запада. Затрагивается проблема создания обезболивающих средств, не вызывающих привыкания у пациентов. Опровергается тезис о «сухом законе» как причине интенсивного роста употребления наркотиков.

Ключевые слова: кокаин, морфин, обезболивающие, Первая мировая война, наркотические средства, наркотическая зависимость

В XIX – начале XX веков наркотические средства воспринимались как на Западе, так и в России всего лишь обычными лекарствами. Разрушительные последствия, с ними сопряжённые, оставались тогда ещё подробно не исследованными и неосознанными...

Для наглядности и достоверности обратимся к фрагментам довоенных воспоминаний властителя русской эстрады Александра Вертинского: «Продавался он (кокаин – Б.К.) сперва открыто в аптеках, в запечатанных коричневых бочонках, по одному грамму. Самый лучший, немецкой фирмы «Марк» стоил полтинник грамм. Потом его запретили продавать без рецепта, и доставать его становилось все труднее и труднее. Его уже продавали «с рук» – нечистый, пополам с зубным порошком, и стоил он в десять раз дороже...

Короче говоря, кокаин был проклятием нашей молодости. Им увлекались многие. Актеры носили в жилетном кармане пузырьки и «заряжались» перед каждым выходом на сцену. Актрисы носили кокаин в пудреницах. Поэты, художники перебивались случайными понюшками, одолженными у других, ибо на свой кокаин чаще всего не было денег.

Помню, однажды я выглянул из окна мансарды, где мы жили (окно выходило на крышу), и увидел, что весь скат крыши под моим окном усеян коричневыми пустыми баночками из-под марковского кокаина. Сколько их было? Я начал в ужасе считать. Сколько же я вынюхал за этот год!»

В полном отчаянии Вертинский обратился к авторитетному московскому психиатру проф. Н.Н. Баженову (1857-1923), а тот, в заключение беседы с начинающим артистом пригрозил: «Вот что, молодой человек, или я вас сейчас же посажу в психиатрическую больницу, где через год-два вас вылечат, или вы немедленно бросите кокаин! Сейчас же!

Он засунул руку в карман моего пиджака и, найдя баночку, швырнул её в окно.

– До свидания! – сказал он, протягивая мне руку. – Больше ко мне не приходите!

Я вышел. Все было ясно».

Александр Вертинский избавился от наркозависимости, когда изнурительно потрудился медбратом в санитарном эшелоне в 1914 – начале 1916 годов. Он сделал 35 тысяч перевязок! И возвратился в Москву исцелившимся человеком.

В 1918 году артист гастролировал в Одессе, следуя вместе с Белой армией, отступавшей под ударами красных. Как вспоминает Александр Николаевич, в гостинице, где он остановился, ночью его подняли с постели и привезли в походный вагон героя Белого движения генерал-лейтенанта Якова Слащёва-Крымского (прообраз генерала Хлудова в пьесе «Бег» Михаила Булгакова). Попросили исполнить песню «То, что я должен сказать», артист подчинился. Из этой странной встречи ему запомнилось: «...посредине стола стояла большая круглая табакерка с кокаином... в руках у сидящих были маленькие гусиные перышки-зубочистки. Время от времени гости набирали в них белый порошок и нюхали, загоняя его то в одну, то в другую ноздрю». Нюхал кокаин, по наблюдениям Вертинского, и сам генерал, крайне бледный и измождённый.

Следует отметить, что в предреволюционной России кабинетными интеллектуалами насаждались теории значимости одурманивающих веществ в эпоху политических перемен. Какая-то часть интеллигенции ориентировалась, например, на воззрения литературоведа и лингвиста Д.Н. Овсяннико-Куликовского (1853-1920). Он пытался научно обосновать абсолютную необходимость для общества входить в состояние «острого экстаза». Подобное ощущение якобы помогает человеку «держаться на уровне нормальной возбужденности, потребной для душевного равновесия».

Появляются тайные секты наркомистиков, открываются койкоместа в частных больницах для лечения наркоманов, Департамент полиции МВД Российской империи вступает в публично не афишируемую борьбу с лоббистами в Государственной Думе, ратующими за идею легализации наркотиков. Регистрируются ограбления потерпевших, споенных одурманивающими препаратами.

И, тем не менее, проблема наркотиков не проникает пока в гущу простого населения – среду крестьян, рабочих, мещан и мелких служащих, в отличие от рядовых подданных из южных регионов страны, людей высшего света и богемы.

Этому обстоятельству отчасти способствовало антинаркотическое законодательство, пусть и не столь совершенное, каким должно было быть. Свод уголовных законов эпохи заката российской монархии отличался либеральностью к правонарушителям в сфере использования наркотиков. Вот как, например, звучала ст. 899 Уложения о наказаниях: «Если от упущений, означенных в предшествующих статьях (892-893), последует кому-нибудь смерть (имеется в виду гибель покупателя после приёма приобретенного лекарства – Б.К.), то виновные, сверх определенных сими статьями за такие подвергаются,

буде они христиане, церковному покаянию, по распоряжению своего духовного начальства».

В это время на Европейскую часть Российской империи после прокладки железнодорожных путей, которые соединили Санкт-Петербург и Москву с Туркестанским краем, год от года интенсивнее проникали азиатские наркотики. Да и со стороны «дружественного» Запада не прекращалась контрабанда, в немалой степени провоцируемая коррупцией среди российских служащих. Отметим характеристику, данную пограничной страже жандармерией: «...самое большое зло в водворении контрабанды кроется в продажности чинов этой стражи... соблазн вошли в плоть и кровь этой стражи». Впрочем, другие государственные служащие, задействованные в контроле над распространением наркотиков, оказывались подвержены коррупции не менее плотно. Крупный специалист по наркопроблеме конца XIX – начала XX веков И.С. Левитов характеризовал ситуацию на Восточных границах Российской империи жёстко:

«Контрабандою занимаются и отдельные лица и целыя аульные общества с одобрения и под негласным покровительством сельских властей... чины волостной и сельской администрации покровительствуют из-за материальных выгод...».

Не вдаваясь в более глубокий анализ состояния российской наркоситуации накануне Второй Отечественной войны, к источникам распространения наркотиков применительно к нашей стране я отношу:

- российских медиков. Они интенсивно лечили наркотическими средствами людей, страдающих пьянством и алкоголизмом, а также душевнобольных, порождая тем самым всё новых и новых зависимых. В этом упорстве сказывалась зачастую безоговорочная ориентация отечественного здравоохранения на зарубежную медицину;
- иностранных и отечественных писателей. Они пропагандировали культ наркотиков в газетах и журналах, книгах;
- русских ученых-путешественников и военных. Они искренне стремились донести до россиян «исключительные» знания о гашише, опиуме, других одурманивающих веществах, сведения о которых усваивали в землях, где процветала бытовая наркомания;
- торговцев наркотиками. Они были корыстно заинтересованы в сбыте дурмана, как сверхприбыльного товара. Они же наладили эксплуатацию железнодорожных линий империи для транснациональной переброски гашиша и опиума по направлению «Азия-Россия-Западная Европа»;

- высшие власти страны. Они пассивно взирали на исподволь развивающуюся проблему наркотиков, что было принципиально пагубным для общества.

Остановимся на этом моменте подробнее.

Столь недалёковидное благодушие, несмотря на многолетние предупреждения отдельных экспертов – военных, медиков, предпринимателей, писателей, того же Льва Толстого, основывалось на отсутствии массового, ярко выраженного негативного социального эффекта от злоупотребления наркотиками, их торговли. Более того, учёные успокаивали: «К большому счастью для нас, русских, – убеждал проф. А.И. Ковалевский – болезненное состояние, известное под именем морфиомания... распространено очень мало. Во много раз сильнее морфиомания распространена во Франции, в Англии, в Италии и далее на Восток, особенно в Константинополе».

В немалой степени всеобщее успокоение объяснялось огромной долей сельского населения и незначительной – жителей городов. В 1914 году (в пределах современной Российской Федерации) это соотношение равнялось 83 процента против 17 процентов. (Для сравнения: в 2013 году соответственно 26 и 74 процента.). Крестьянство выступало своеобразной буферной подушкой на пути наркомании. Власти рассуждали так. Морфий? Ну, морфий, лекарство, испытывает к нему страдалец тягу, захочет – соберётся силушкой, помолится, да и перестанет инъектировать... Так же с кокаином, героином. Ведь ими «успешно», повторимся, лечили пьянство и другие виды зависимости. В психиатрических лечебницах избытка наркоманов не было, хотя, подчеркнём вновь, первые специализированные койкоместа в частных клиниках уже оборудовались. В приёмных докторов-психиатров очередей наркоманов не стояло, хотя в дверь уже стучали. Правоохранительные органы и спецслужбы на организованную преступность, связанную с наркотиками, внимания не обращали, – подумаете, лекарствами торгуют. Департамент полиции МВД Российской империи был полностью поглощён противодействием традиционному криминалу и преследованием революционеров. Взаимосвязь между наркоманией и преступлениями против собственности, когда зависимые ради денег на дозу преступали закон, не отслеживалась, разве что вскрывались отдельные случаи опьянения проститутками излишне доверчивых клиентов «малинкой» – алкоголем с добавлением снотворных препаратов, того же опиума. Отсутствие профессионального интереса к наркотикам доказывают мемуары полицейских китов, в частности, генерала Аркадия Францевича Кошко, написанные им на чужбине во Франции в 1926-1929 годы: в них проблема наркотиков не отражена.

Вот примерно в такой беззаботной наркообстановке, которая в большей мере была актуальна и для будущих противников и союзников России, страна встречала Первую мировую.

И сразу же столкнулась с огромной проблемой, напрямую связанной именно с наркотическими средствами. Пренебрежительное внимание к ним, близорукость

вступления в сражения без учёта этого стратегического фактора больно аукнулось, затронуло судьбы, без преувеличения сказать, миллионов солдат и офицеров. А дело оказалось вот в чём.

С развитием технической оснащённости общества, совершенствования вооружений для истребления противника, битвы приобретали всё более кровопролитный характер, оставляли на поле боя множество раненых. На этот факт обратили внимание. Правительства развитых государств потребовали от учёных создания таких обезболивающих медикаментозных препаратов, которые: во-первых, можно было бы производить в огромных количествах; во-вторых, способных погружать тяжелораненых на время операции в быстрый сон; в-третьих, обладали небольшим объёмом, малым весом, и простотой применения. Российская империя в этом вопросе пользовалась творческими плодами зарубежных медиков и химиков. А напрасно.

Опиум? Ладно. Для помощи 20 тысячам раненых (а именно столько составило, кстати, число пострадавших без учёта убитых и пропавших без вести 26-30 августа 1914 года после поражения русских в битве с германцами при Танненберге; в русской традиции – самсоновская операция) потребуется 400 грамм наркотика в сутки из минимального расчёта одна доза на одного человека. Морфий? Ещё лучше. Вес ограничится 300 граммами в кристаллическом порошке. Героин? Его и надо то всего-навсего 100 граммов, тоже в порошке. Шприц европейцы изобрели? Молодцы, покупаем! Подкожное впрыскивание ускоряет обезболивание и наступление сна, убыстряет санитарную обработку доставляемых раненых. Перспективы и социальные последствия выхода из госпиталей тысяч военных, избавленных от ранений, но поражённых тягой к наркотикам? Об этом и не задумывались...

Лишь через десятилетие начнут находить объяснения уже случившемуся. В 1929 году отечественный психиатр академик АМН СССР Василий Алексеевич Гиляровский (1878-1959) доходчиво описал социальные причины зарождения «полевой наркомании», так я назвал это явление: «Большое количество ранений на войне и революции, очень мучительных, были поводом к применению морфия и других наркотических средств...».

Обнаруженная на практике проблема серьёзно беспокоила другого известного русского и советского врача – академика, Героя Социалистического Труда Николая Николаевича Бурденко (1876-1946). Знаменитый хирург, анализируя средства наркоза, применяемые в 1914 году на Северо-Западном фронте, сетовал на отсутствие препаратов, которые не вызывали бы зависимость от них у раненых, настаивал на необходимости в этом плане тщательно готовиться к будущим войнам.

Итак, грянул 1914 год, началась Вторая Отечественная война. Уже после первых боестолкновений и сражений в полевые госпитали и медсанчасти раненые стали поступать тысячами. Люди нуждались в санитарном внимании, в хирургических операциях, что требовало значительных медикаментозных ресурсов. А они-то вскоре и

иссякли... Почему же? Да потому, что наивные власти отчего-то предполагали, будто германский император Вильгельм II будет из высоких родственных чувств поставлять, как и прежде, наркотикосодержащие лекарства своему военному противнику.

Ведь собственной развитой фармакологической промышленности в Российской империи не имелось! До 1914 года из нашей державы на Запад, в первую очередь на фабрики в Германию, поставлялось биологическое и растительное лекарственное сырьё. Причём по низким закупочным ценам.

И только после того как это сырьё германская фармацевтика перерабатывала в готовую продукцию, заказанные Россией медикаментозные товары возвращались обратно, но уже совсем по другой, куда более высокой оптовой стоимости. Их-то и приобретали в аптеке по полтиннику за грамм наркоманы.

...Короче, вскоре запасы наркотиков на медицинских складах русских войск закончились. Хирурги в полевых условиях начали резать раненых по живому, без локального обезболивания и анестезии. Мучения несчастных немного облегчал глоток алкоголя. Крики из операционных раздавались жутчайшие. У здоровых солдат и офицеров, слышавших эти вопли, боевого духа никак не прибавлялось. И только тогда, когда стало наконец-то ясно, что лекарственной помощи ни от кайзеровской Германии, ни от многочисленных «союзников» ожидать не придётся, жернова бюрократического аппарата закрипели...

23 октября 1914 года вышел в свет согласованный с Министерством торговли циркуляр № 1345 «О содействии общественным установлениям и частным фирмам, нуждающимся в приобретении лекарственных средств». Документом поощрялось развитие фармакохимической промышленности, занятой производством необходимых фронту лекарств в счёт компенсации ранее поступавших из-за рубежа. Но и тут кондовый бюрократический механизм подготавливаемой к смерти Империи, несмотря на указанную выше официальную уже констатацию сырьевой зависимости России от промышленности Германии, опять забуксовал. 20 февраля 1915 года распространяется повторный циркуляр, обращённый вниманию губернаторов о необходимости скорейшего исполнения прежде разосланного поручения. А раненых военнослужащих не убавлялось, напротив, прибывало ото дня ко дню, от месяца к месяцу, от года к году. И снова скрежещут хирургические пилы, нет обезболивающих лекарств, нет анестезии...

14 мая 1915 года в Петрограде (переименован из Санкт-Петербурга 18 августа 1914 года) состоялось экстренное Межведомственное совещание при Департаменте земледелия МВД Российской империи «Об улучшении производства в России лекарственных растений».

На представительном заседании который уже раз признавалось: «Переживаемая ныне освободительная война обнаружила тяжёлую зависимость России от германской промышленности, между прочим, и в деле снабжения населения лекарствами».

Присутствующие вновь нашли целесообразным возделывание снотворного (опийного) мака – *Papaver somniferum* – и создание собственной промышленной базы по кустарной и фабричной переработке сырья и производства ассортимента лекарств. Однако лишь к концу 1915 – началу 1916 годов определённая правительством задача в части наркотикосодержащих культур – опийного мака – начинает полноценно реализовываться.

Между тем, предприимчивые люди, живущие на Дальнем Востоке (здесь лидировали представители китайской диаспоры), весной 1915 года посеяли внушительные площади снотворного мака в надежде хорошо заработать на военных поставках. Каково же было их удивление и негодование, когда 7 июня (ст. ст.) 1915 был утвержден Указ «О мерах борьбы с опиокурением». Этим нормативным актом запрещались посевы мака опийного в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области иркутского генерал-губернаторства. Именно там, где намечалось официально разрешить культивирование этого лекарственного растения. Подобные нормативные нестыковки местную полицию, взявшую под козырёк после правительственных циркуляров, привело в полное недоумение и запутало окончательно. Как поступать, ликвидировать мак или охранять?

Тогда же показала свое истинное лицо транснациональная организованная преступность, о моменте появления которой в нашей стране эксперты спорят по сей день. Я предлагаю ознакомиться с любопытным документом, малоизвестным даже специалистам-историкам. Он имеет прямое отношение к нашей теме.

17 июня 1915 года, через неделю после утверждения Николаем II Указа о запрещении посевов опийного мака, на имя директора Департамента полиции МВД Российской империи, сенатора, графа В.А. Брюн-де-Сент-Ипполита и ещё шестерых адресатов из правительства, поступила уникальная телеграмма. Привожу её полный текст, скопированный мною из государственного архива:

Телеграмма № 20. Председателю Совета Министров, Министру Внутренних Дел, Министру Юстиции, Военному Министру, Председателю Государственной Думы Родзянко, Сенатору Унтербергу:

«МУЖ РАНЕН В ЯПОНСКУЮ КАМПАНИЮ ТЕПЕРЬ НАХОДИТСЯ В ДЕЙСТВУЮЩИХ ВОЙСКАХ. СЫН ТЯЖЕЛО РАНЕН И ТЕПЕРЬ ЛЕЖИТ ПЕТРОГРАДСКОМ ЛАЗАРЕТЕ. ТОЧКА. ОСТАВШИЕСЬ ОДНА ПРИНУЖДЕНА БЫЛА СДАТЬ ЗЕМЛЮ В АРЕНДУ КИТАЙЦАМ КОТОРЫЕ ЗА НЕИМЕНИЕМ ХЛЕБНЫХ СЕМЯН В ВИДУ БЫВШЕГО НАВОДНЕНИЯ ЗАСЕЯЛИ ЗЕМЛЮ МАКОМ. ТОЧКА. В ТАКОМ ЖЕ ПОЛОЖЕНИИ ТЯЖЕЛОМ НАХОДЯТСЯ ЖЕНЫ И МАТЕРИ КАЗАКОВ МУЖЬЯ И ДЕТИ КОТОРЫХ В РЯДАХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ. ТОЧКА. ЗАКОНОМ 22 МАЯ ЗАПРЕЩЕН ПОСЕВ МАКА.

ТОЧКА. ЗАКОН ОБРАТНОГО ДЕЙСТВИЯ НЕ ИМЕЕТ НО ВОЙСКОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ РАСПОРЯДИЛАСЬ ТЕПЕРЬ ЖЕ УНИЧТОЖИТЬ МАК. ТОЧКА. УНИЧТОЖЕНИЕ ПОСЕЯННОГО МАКА КАК МЕНЯ ТАК РАВНО ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОЛТАВСКОГО ОКРУГА ИЗ 17000 ДЕСЯТИН ЗАСЕЯНО МАКОМ БОЛЕЕ 8000 ЖДЕТ ПОЛНОЕ РАЗОРЕНИЕ. ТОЧКА. СРЕДИ АРЕНДАТОРОВ ПРЕВЫШАЮЩИХ ЧИСЛЕННОСТЬ БОЛЕЕ 4 000 СИЛЬНОЕ БРОЖЕНИЕ ВОЗМОЖНО ЖДАТЬ В СЛУЧАЕ УНИЧТОЖЕНИЯ ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ. ТОЧКА. ПРОШУ ЗАЩИТЫ И РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРОИЗВЕСТИ СБОР В НАСТОЯЩЕМ ГОДУ. ЖЕНА ЕСАУЛА ШЕСТАКОВА» 15.VI.1915.

Телеграмму «устроили» китайские гангстеры из триады!

Сначала петербургские чиновники согласились с требованиями арендаторов, так как речь шла о волнениях внутри Империи, находящейся в состоянии войны. Но ситуацию изменила очередная шифрограмма Генерального консула из Харбина от 12.07.15 г., в которой сообщилось: «...Местные китайские власти обращают мое внимание на то, что, по их сведениям, в пределах Приамурского Генерал-Губернаторства в нынешнем году обширные площади вновь засеяны маком».

Царские бюрократы решили дело просто. Они передали решение этого вопроса на ведение местных властей. В свою очередь, требование республиканского правительства Китая о пресечении деятельности макосеяльщиков, администрация Уссурийского войска выполнила следующим образом, — посеы мака подверглись уничтожению, а «порочные иностранцы» выселены за пределы Российской империи.

Как мы видим, театр военных действий Русской армии не ограничивался территорией Восточной и Западной Европы. В глубоком тылу происходили свои битвы, в данном случае и против наркотиков, и за их производство.

По мере продолжения боевых действий Русской армией, которые сопровождались ростом революционных настроений в обществе, усиливалось падение дисциплины во фронтовых частях. Этому сильно способствовала предательская агитация в действующих воинских частях политическими партиями, настроенных антимонархически. Из воспоминаний генерала А.А. Брусилова, других авторитетных военачальников видно, как горько им было наблюдать разлагающийся на глазах порядок. «Положение в армии ужасающее... армии в действительности не существовало, и были только толпы солдат, непослушных и к бою не годных», – в отчаянии писал Брусилов в 1917 году, после Февральской революции и отречения Николая II от трона.

Была ли Русская армия, уничтоженная большевиками, эсерами, кадетами и пр., поражена наркоманией? Нет, утверждать такое было бы неправдой. Пристрастие к спиртному, да, отмечалось, отрицать нельзя. Не отслеживается проблема полевой наркомании в мемуарной литературе и прессе, научных журналах, исключая описания отдельных эпизодов пристрастия к ним, что не позволяет обобщать разрозненные факты, придавать

им масштаб явления. К примеру, в «Русском враче» № 46 за 1915 год промелькнула заметка военного врача Т.Ф. Белугина о солдатах-призывниках, которые отварили мухоморы, съели, впали в эйфорию, пели, веселились, часто повторяя: «Всё равно умру. Обязательно умру». Я бы отнёс эту заметку к категории курьёзов.

И все же наркотизация российского общества обострялась в годы войны очень энергично. В литературе бытует мнение, что этому способствовало принятие «сухого закона» в 1914 году. Якобы именно после этого решения была отмечена интенсивная кокаинизация общества, армии. Сомневаюсь: свинья, она везде грязь найдёт. Например, по моим статистическим замерам во время горбачёвского «сухого закона» 1980-х явно выраженных признаков роста наркомании и токсикомании не наблюдалось. Негодований ангажированных журналистов – да, статистики – нет.

Что же касается армейской среды, то многие военнослужащие «слетели с катушек» под воздействием кокаина, морфия и эфира в недолгие месяцы двух революций 1917 года (кому угодно – переворотов) и особенно в период Гражданской войны.

Яркий пример – генерал-кокаинист Яков Слащёв. В 1917-1922 годах разорение аптек, в которых имелись наркотики, солдатами и матросами как «белых», так и «красных» стало обычным явлением. Но привязанность к наркотикам военных в ту пору времени – это отдельное, самостоятельное повествование.

А как обстояли интересующие нас дела в зарубежных армиях противников и союзников России?

Очевидцы уверяют: после Первой мировой солдат и офицеров, ставших зависимыми в частности от морфия и героина, приравнивали к инвалидам войны. В психиатрических стационарах США и Старого Света наблюдалось больше наркоманов, чем обычных алкоголиков.

Удручающая статистика не убитых в ходе боевых действий, но уничтоженных наркотиками, объясняется в немалой степени чрезмерной интенсивностью использования наркосодержащих лекарств зарубежной полевой медициной. Союзные армии и армии противников испытывали перенасыщение поставками медикаментозных препаратов. При этом героин, по причине его большей наркотической активности, использовали чаще, чем морфий и опий. Разумеется, и привыкание к нему наступало быстрее. Не зря на Западе его обозвали «солдатским лекарством».

Большое хождение имел в Европе кокаин. В годы Первой мировой войны Герман Геринг (1893-1946) – будущий рейхсмаршал нацистской Германии, с охотой вдыхал белый порошок, отправляясь в очередной полёт на самолёте-истребителе. Так поступало немало лётчиков. Через 30 лет Геринг превратился в закоренелого наркомана. Во время его

ареста американцами в Берхтесгадене при нём нашли 20 тысяч ампул с морфием, этот скромный запасец хранился в двух больших чемоданах, принадлежавших рейхсмаршалу.

В Великобритании, например, целый список наркотиков на второй год войны был благоразумно выведен из легального оборота, взят под тщательный контроль государством, запрещён к немедицинскому употреблению. В других странах наркорезим был куда слабее.

Радио «Свобода» 26 июля 2010 года разместила на своём сайте статью Софьи Корниенко «Кокаин для нужд войны». В этом материале рассказывается о Нидерландах, где во время Первой мировой действовала фабрика по производству кокаина. Она функционировала с 1900 года. Наркотик продавался и государствам Антанты, и государствам Тройственного Союза. Только в 1919 году было легально продано 13 тонн кокаина. В статье называется также немецкая фирма Merck в Дармштадте, которая «произвела в 1912-1914 годы около 21 тонн кокаина, а во время Первой мировой – более полутора тонн в год».

Историю эту раскопала голландская писательница Конни Браам (Conny Braam). Она утверждает, что кокаин на фронте распределялся военнослужащим через медчасти. Для удобства его приёма в окопах наркотик изготавливали в форме таблеток под названием «Ускоренный марш». На ёмкости, куда таблетки помещались, имелась этикетка с надписью "Ослабляет чувство голода и усиливает выносливость". Писательница говорит о сотнях тысяч солдат-наркоманов, ставших таковыми благодаря работе узаконенных наркофабрик. В Русской армии такого рода экспериментов не проводилось.

Что же в итоге?

Опираясь на разные источники, можно узнать потери российских солдат и офицеров во Второй Отечественной. Они колеблются от 775 тысяч до 1,3 млн. убитыми и пропавшими без вести. Соответственно раненых – от 3,2 млн. до 3,8 млн. человек. Скольких из них удалось бы спасти полевым врачам, будь наркотиков в санитарных частях Русской армии – побольше, а в тылу – поменьше, навряд ли кто ответит. Несомненно одно. Хилость национальной фармацевтической промышленности и надежды власти обеспечить войска обезболивающими лекарствами за счёт их покупки у военного противника непростительны.

Первая мировая пожрала четыре империи: Австро-Венгерскую, Германскую, Российскую и Османскую. Известны слова У. Черчилля, который, формулируя трагическую оценку Российской державе в том побоище, писал: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была в виду. Она уже претерпела бурю, когда всё обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена... Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями».

Помогли ли в этом падении наркотики и наркомания? Несомненно, да, помогли, подтолкнули, но не в армии, а в тыловом обществе, точнее, в известных его кругах, которые явились для России провокаторами исторического крушения Империи в 1917 году.

Cocaine was the curse of our youth
Drugs in the trenches and in the rear of the World War I

Kalatchov B.F.

Honored Internal Affairs officer, PhD in Law

The article dwells upon a relatively unknown historical fact – the influence of the WW I on the expansion of non-medical use of narcotic drugs in Russia and the West. Address The issue of the creation of non-addictive analgesics is considered. The thesis of the prohibition as a reason for the intensive growth of drug use is refuted.

Key words: cocaine, morphine, painkillers, First World War, drugs, drug addiction